

© 2010 г. М.А. Гутиева

ПОЛИТИКА КОРЕНИЗАЦИИ КАДРОВ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920-1930-Е ГГ.

Задача коренизации кадров в национальных окраинах СССР являлась одной из основных в государственном строительстве. Без ее решения было невозможно конструировать так называемую «позитивную этничность» в регионах, которая выражалась в поддержке советской власти при сохранении собственной культуры и местных традиций [1, с.116]. Во многом благодаря политике коренизации кадров большевикам удалось совместить лозунг «прав наций на самоопределение» с требованием единства государства. При этом набор инструментов для достижения поставленной цели был более или менее универсальным. Для создания руководящих и высококвалифицированных кадров администраторов, инженеров, научной, педагогической и творческой интеллигенции из представителей местных народов предусматривалось широкое привлечение их в систему среднетехнического и высшего образования. Подготовленные специалисты в национальных республиках имели преимущество при занятии должности в административном аппарате и в промышленности [2, с. 43]. С различных трибун из уст ответственных работников постоянно звучали призывы к тому, чтобы национальные меньшинства принимали самое деятельное участие в построении нового общества в СССР. На XII съезде партии Н.И. Бухарин прямо сказал о необходимости «купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций» через «искусственную постановку» русского населения в «положение более низкое по сравнению с другими» [3].

В резолюции XII съезда РКП(б) «По национальному вопросу» было обращено внимание членов партии на «особый вред и особую опасность уклона к великорусскому шовинизму», в том числе в вопросе расстановки кадров [4]. Выдвижение на первые должности проходило по двум критериям – принадлежности к коренной национальности и наличия революционной сознательности. Привлечение представителей коренных народов к выполнению

управленческих функций способствовало сближению органов власти с массами. Одновременно проводилось так называемое «выравнивание экономических уровней» отсталых республик за счет центральной России. Национальные районы получали массу льгот и поблажек. Не случайно председатель СНК А.И. Рыков отметил, что «колониальная политика, например, Великобритании, заключается в развитии метрополии за счет колоний, а у нас – колоний за счет метрополии» [5, с. 65]. В ряде мусульманских регионов были восстановлены суды шариата и адата, проявлена терпимость в отношении мусульманских норм поведения в обществе, в том числе и для коммунистов [6, с. 289]. В начале 1920-х гг. в Баку на бывшем заводе Нобеля принимается решение о переносе выходного дня с воскресенья на пятницу в интересах немногих работавших на заводе мусульман [7, ч. 145]. Желание большевиков любой ценой завоевать доверие местных народов иногда просто поражает. Например, в 1923 г. чеченский лидер Али Митаев, долгое время выступавший против Советской власти [8, с. 210], не был уничтожен, а приглашен в Ревком Чечни. Правда вскоре Али Митаев все-таки вступил в вооруженный конфликт с Советской властью и был разбит [9, с. 199].

Стремясь завоевать доверие местных жителей, руководство страны, например, в Чечне, выселяло проживавших там русских казаков с мест традиционного проживания. В октябре 1920 г. член Реввоенсовета Кавфронта Г.К. Орджоникидзе отдал приказ: «первое – станицу Калиновскую сжечь; второе – станицы Ермоловская, Закан-Юрт (Романовская), Самашкинская и Михайловская отдать беднейшему безземельному населению и, в первую очередь, всегда бывшим преданными соввласти нагорным чеченцам, для чего: все мужское население вышеназванных станиц от 18 до 50 лет погрузить в эшелоны и под конвоем отправить на Север для тяжелых принудительных работ; стариков, женщин и детей выселить из станиц...» [10, с. 165]. Этот приказ был выполнен, но почти сразу же, в конце 1920 г., началось восстание в горных районах Чечни, проходившее под лозунгом «освобождения Чечни и Дагестана от национального русского гнета». Проведение политики коренизации кадров на Северном Кавказе в начале 1920-х гг. было существенно затруднено. Советские административные органы столкнулись в этом регионе с теми проблемами, которые, либо были не характерны для других национальных территорий, либо стояли там не так остро. Главным образом, речь идет о национальном во-

просе, который так и не был решен самодержавием и достался большевикам как сложный клубок многочисленных противоречий, обусловленных влиянием целого комплекса факторов. Горское население Северного Кавказа, значительная часть которого оказывала долгое и упорное сопротивление действиям Российской империи по включению данной территории в ее состав, к началу 1920-х гг. относилось к любой администрации, контролируемой центром и подчиняющейся ему, с настороженностью, а в некоторых случаях – с открытой враждебностью. В этом смысле советская власть не воспринималась значительной частью горцев как некое принципиально новое явление в политической жизни страны, а представлялась всего лишь вариацией все той же власти «из центра». Подобное отношение, безусловно, объяснялось почти повальной неграмотностью населения и «оторванностью его от политической жизни страны» [11, с. 106], клановой замкнутостью. Такое положение вещей объективно приводило к тому, что горцы, вступившие в контакт с властью, прошедшие обучение и занявшие определенные посты в управленческом аппарате, рассматривались некоторой частью населения как наместники центра, завербованные если не враждебными, то чуждыми силами. Очевидно, это не способствовало привлечению широких масс местного населения к работе в создаваемых советских организациях и учреждениях.

Другим серьезным препятствием был крайне низкий процент грамотности населения. Проведенные в последние десятилетия исторические исследования говорят о том, что население северокавказских республик к началу 1920-х гг. было неграмотным практически поголовно [12]. В этих условиях было очевидным, что проблема коренизации кадров не могла быть решена прежде проблемы ликвидации неграмотности. Это, в свою очередь, привело к тому, что дело коренизации кадров в национальных республиках Северного Кавказа начало сдвигаться «с мертвой точки» только к началу 1930-х гг., тогда как в некоторых других автономиях эта проблема решалась существенно быстрее¹. Важной особенностью процесса подготовки и распределения национальных кадров было копившееся в регионе на протяжении сотен лет меж-

¹ Например, в Татарской АССР к концу 1920 г. на татарском языке делопроизводство велось в 1/5 сельских Советов, а в 1923 г. - уже в 50%. В волостных исполкомах в 1921 г. было 30,4% татар, в 1922 г. - 40,4%, а в 1924 г. - уже больше 50% // Климов И.М. Национальные моменты в государственном и партийном строительстве Татарии в восстановительный период. Казань, 1957.

этническое напряжение. Эту особенность также приходилось учитывать. Крупные партийные и советские работники из северокавказских горцев, в отличие от многих других регионов страны, не рвали прочных связей со своими родовыми объединениями даже после вступления в ВКП(б). Вне сомнения, такое положение дел неминуемо приводило к тому, что одновременно с расстановкой национальных кадров на руководящие должности зачастую процветало неприкрытое кумовство, что в значительной степени подрывало доверие местного населения к новой власти. Необходимо обратить внимание и на тот факт, что на территории северокавказских республик на протяжении 1920-1930-х гг. не прекращалось вооруженное сопротивление советской власти. Наличие повстанческого движения придавало проблеме коренизации управленческих кадров особый военно-политический подтекст. Руководящие работники в национальных республиках из числа местного населения зачастую оказывали содействие антисоветским формированиям, иногда по убеждениям, иногда - под страхом расправы. Кроме того, известны случаи, когда горские коммунисты сами возглавляли народные выступления.

Все это на практике приводило к тому, что центр, «оберегая» преданных горцев на высоких административных постах, зачастую прощал им те нарушения, которые в другом регионе были недопустимы. Таким образом, процесс коренизации кадров сопровождался опасностью создания «новой горской аристократии» из числа советских управленцев, неподконтрольной обществу и находящейся под покровительством Москвы.

Наличие такой опасности, в свою очередь, рождало еще одну региональную особенность: особую роль органов государственной безопасности в процессе формирования национальных управленческих кадров на Северном Кавказе. Взаимодействие органов ОГПУ-НКВД с горскими советскими активистами шло гораздо активней, нежели в других регионах страны, что вело к определенной смычке чекистов и советских работников на местах. Некоторые специалисты в связи с этим говорят о формировании такой причудливой идеологической формы как «национальный коммунизм» у горских народов [13]. Еще одной особенностью создания национальных кадров на Северном Кавказе было достаточно четко прослеживающееся отличие темпов решения этой проблемы в равнинных и горных районах. Консервативно настроенные горные общества оказывали серьезное противодействие почти всем начина-

ниям новой власти, тогда как жители равнин более охотно шли учиться в советские учебные заведения. Подготовленные специалисты из числа горцев, направляемые затем на работу в горные районы своих национальных республик, часто не пользовались авторитетом у местного населения, что только увеличивало социальное напряжение в регионе.

Таким образом, коренизация кадров в национальных республиках Северного Кавказа имела свои особенности, даже в сравнении с другими автономными республиками в составе РСФСР и всего СССР. Подготовка национальных кадров в этом регионе была сопряжена со значительными трудностями. При расстановке работников на ответственные посты центральная власть была вынуждена учитывать огромное количество факторов и гораздо внимательнее прислушиваться к рекомендациям местных коммунистов, знающих реальную обстановку в республиках. Однако, несмотря на объективные проблемы, к концу 1930-х гг. задача коренизации кадров на Северном Кавказе, в целом, была решена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Северный Кавказ в национальной стратегии России. М., 2008.
2. Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма // А1. 2002. №2. С. 43.
3. Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1968.
4. ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1940.
5. Дмитриева Е. Региональная экономическая диагностика. СПб, 1992.
6. Национальная политика России: история и современность. М., 1997.
7. Национальный вопрос на перекрестке мнений. М., 1992.
8. Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». Майкоп, 1994.
9. Тайны национальной политики ЦК РКП: Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП. 1923. М., 1992.
10. Большевицское руководство: Переписка (1912-1927). М., 1996.

11. Дегоев В.В. Кавказ в структуре Российской государственности: наследие истории и вызовы современности // Вестник Института цивилизации. Вып. 2. Владикавказ, 1999.
12. Супьян С.М., Эльбуздукаева Т.У. Проблемы ликвидации неграмотности взрослого населения северокавказских республик в 20-30 е гг. XX века (на примере Чечни, Ингушетии, Северной Осетии) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. №3.
13. Россия и Кавказ: противоречивые дискурсы. Прага. Цикл интервью со специалистами по Кавказу. Интервью с профессором Г. Суни // <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20734>

*Горский государственный
аграрный университет*

5 февраля 2011 г.